

Н. В. Кукольник

Сержант Иван Иванович Иванов, или все заодно

Исторический рассказ

Старые годы. Русские исторические повести и рассказы первой половины XIX века./ Сост. и подгот. текста А. Рогинского. -- М.: Худож. лит., 1989.

(Классики и современники. Русская классич. лит-ра).

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

ВСТУПЛЕНИЕ

Недалеко от провинциального города Костромы, почти по соседству с Татарскою слободою, на небольшой возвышенности, стоял барский двор вдовы Ландышевой; несколько повозок и привязанные к ним лошади не оставляли никакого сомнения, что у Варвары Сергеевны гости, а по опрятному виду и лошадей, и повозок, и сбруи можно было заключить безошибочно, что гости из города высокого ранга, потому что между разного рода рыдванами была и карета! В Костроме -- карета! И когда? В начале XVIII столетия! Неудивительно, что у самых ворот стояла толпа зевак обоего пола из большой соседней вотчины Варвары Сергеевны да из Татарской слободы.

-- Знать, Ерема, сам воевода в этой избе приехал,-- сказал Иван, высокий и статный парень в дешевом, но опрятном кафтане.

-- Видишь,-- отвечал Ерема, указывая на карету,-- и окна в избе поотворяли, стало быть, проветривают.

-- Вестимо, проветривают! А что, Ерема, когда бы нам с Домной в воскресенье да к венцу на таком диве поехать!

-- Видишь, выдумал! Воевода -- полковник, так ему и по чину в такой повозке ездить. А ты и в санях доедешь!

-- Лишь бы только доехать. Что-то барыня скажет? Вот мы и теперь с Домной пришли позволения просить. Ан тут гостей нанесло из города! Станет она с холопьями толковать.

-- Ну, так завтра!

-- Не ровен час, Ерема. Как барич дома, да не спит, так к барыне приступу нет. Надо так уноровить, чтобы барич с татарами псов гонял по полю, али чтобы по Волге дичь стрелял с дядькой, али чтобы, где ни есть, к девушкам приставал. А так еще, чего доброго, наткнешься на беду.

-- Да, шутник барич, нечего сказать.

-- Хорош шутник! Третью невесту от Андрюшки во двор оттягал. Дитя, говорит барыня; борони Бог от такого дитяти!

В это самое время на небольшом коне подъехал молодой человек лет осемнадцати. Он был одет в короткий полушубок тонкого синего сукна с бобровой опушкой, на голове -- соболья шапочка с кутасиком, как тогда носили дворянские дети. За ним на огромном донкихотовском Россинанте во весь галоп скакал Ефремыч, дядька Ландышева. И руки, и ноги, болтаясь, показывали, как он спешил за дорогим питомцем. Наконец несколько человек *верховых* (так и назывались) заключали поезд. Володя наскочил на толпу и кричал, размахивая плетью: "Раздавлю, раздайся!" Бедные зрители разбежались, один только Иван, схватив за руку дорогую свою Домну, посторонился с дороги и не бежал от наездника дальше. Володя грозно посмотрел на смелого холопа, на Домну и вскрикнул:

-- Тьфу ты, черт, какая хорошенькая!

В одно мгновение соскочил с лошади, подал уздцы Ивану и сказал, не глядя на него:

-- Держи, болван! Из чьей ты волости, красавица?

-- А вон из Кудиновки,-- отвечала девушка, покраснев по уши.

-- Из нашей волости! Да как же я про тебя ничего не знал? Видишь ты, старый черт! Что ты, верно, для себя ее прятал?!

Это обращение относилось к Ефремычу. С трудом удержав сухопарого, вислоухого своего коня, Ефремыч отвечал почтительно: